

В-5495

Відбитка

ПРИВІТ
ІВАНОВИ ФРАНКОВИ
В СОРОКЛІТЄ
ЙОГО ПИСЬМЕНСЬКОЇ ПРАЦІ
1874—1914

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ЗБІРНИК

Диф. см. 1914

ЛЬВІВ 1914

НАКЛАДОМ ЮБІЛЕЙНОГО КОМІТЕТУ

З ДРУКАРНІ НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА ІМЕНІ ШЕВЧЕНКА

ЛВІВСЬКА БІБЛІОТЕКА
АН УРСР
№ 10/95.259

12372

Збірка М. С. ВОЗНЯКА

НЕСТОРЪ ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Въ настоящей статьѣ, посвященной глубокоуважаемому филологу и историку украинской литературы, мнѣ хочется вернуться къ предмету, особенно близкому моему сердцу и, какъ я думаю, одинаково дорогому и для виновника торжества, которое отмѣчаетъ долгую и плодотворную дѣятельность на пользу русской и украинской науки. Я хочу сказать нѣсколько словъ о лѣтописцѣ Несторѣ и изложить тѣ мысли, которыя, быть можетъ, не такъ скоро мнѣ удастся обогновать большимъ трудомъ, посвященнымъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, древнѣйшему изъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ древней Руси.

Моя статья не будетъ имѣть полемическаго характера, хотя я и разойдусь въ своихъ выводахъ съ господствующимъ въ исторической литературѣ мнѣніемъ, несомнѣнно раздѣляемымъ и тѣмъ лицомъ, къ которому я обращаюсь, прежде всего какъ къ внимательному читателю и компетентному судѣ. Въ его статьѣ, напечатанной въ 1907 году и посвященной древнерусской лѣтописи, читаемъ: „Русская критика убѣдительно доказала, что монахъ Несторъ ничего общаго съ древнѣйшею кievскою лѣтописью не имѣетъ и что мы можемъ говорить о немъ только какъ о составителѣ двухъ агіографическихъ произведеній, мученія Бориса и Глѣба и Житія Θεодосія, почему онъ принадлежитъ къ области русской агіографіи, а не исторіографіи“¹⁾.

Вотъ съ этимъ отрицательнымъ выводомъ русской исторической науки я расхожусь и вижу рядъ оснований для признанія Нестора составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, а слѣдовательно для подкрѣпленія той традиціи, которая связала имя Нестора съ древнею Кіевскою лѣтописью.

Мои доказательства не будутъ содержать новыхъ фактовъ и новыхъ комментаріевъ къ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ древности. Я оснущусь на всѣмъ давно извѣстныхъ данныхъ, которыя, какъ мнѣ кажется, совершенно достаточны для возстановленія старой традиціи.

Данныя эти слѣдующія. Повѣсть временныхъ лѣтъ, т. е. древнѣйшая часть лѣтописныхъ списковъ Лаврентьевскаго, Ипатьевскаго, Радзивиловскаго, Хлѣбниковскаго и другихъ, состав-

лена въ Печерскомъ монастырѣ: это доказывается обиліемъ находящихся въ ней извѣстій, относящихся къ этому монастырю. Оставляю въ сторонѣ разсказъ о событіяхъ XI вѣка, гдѣ имѣются подобныя извѣстія: этотъ разсказъ могъ попасть въ Повѣсть временныхъ лѣтъ изъ старшаго свода, составленнаго въ Печерскомъ монастырѣ. Остановлюсь на первомъ десятилѣтіи XII вѣка, которымъ заканчивается лѣтописное повѣствованіе. Здѣсь находимъ слѣдующія Печерскія извѣстія: подъ 6614 (1106—1107) годомъ, во-первыхъ сообщеніе о смерти Яна Вышатица, отъ котораго лѣтописецъ (говорящій при этомъ о себѣ въ первомъ лицѣ) слышалъ „многа словеса“, вписанныя имъ въ лѣтописаніе; Янъ погребенъ 24 іюня въ Печерскомъ монастырѣ, въ притворѣ; во-вторыхъ, сообщеніе о постриженіи (въ Печерскомъ монастырѣ) Святоши 17 февраля. Подъ 6615 (1107) сообщеніе о прибытіи Святополка въ Печерскій монастырь послѣ побѣды надъ Половцами у Лубенъ 12 августа. Подъ 6616 (1108) сообщеніе объ окончаніи трапезницы въ Печерскомъ монастырѣ, далѣе сообщеніе о внесеніи имени Θεοδосія въ синодикъ, наконецъ, сообщеніе объ окончаніи верха церкви святой Богородицы въ монастырѣ на Кловѣ, основанномъ бывшимъ Печерскимъ игуменомъ Стефаномъ. Подъ 6617 (1109) сообщеніе о смерти Евпраксіи, дочери в.-кн. Всеволода, погребенной въ Печерскомъ монастырѣ. Подъ 6618 (1110) сообщеніе объ явленіи огненнаго столпа надъ Печерскимъ монастыремъ, 11 февраля. Едва ли можно усомниться въ томъ, что всѣ эти сообщенія записаны въ самомъ Печерскомъ монастырѣ. Это краснорѣчиво говоритъ въ пользу того, что и весь лѣтописный сводъ, включившій въ свой составъ эти записи, составленъ въ этомъ монастырѣ.

Не исключена какъ будто возможность и иного объясненія. Повѣсть временныхъ лѣтъ составлена въ другомъ кievскомъ монастырѣ; ея составитель въ числѣ прочихъ источниковъ воспользовался и лѣтописью Печерскаго монастыря, извлеки изъ нея всѣ приведенныя выше сообщенія. Лаврентьевскій и сходные съ нимъ списки сохранили даже имя этого составителя Повѣсти временныхъ лѣтъ: за благочестивыми разсужденіями по поводу огненнаго столпа, явившагося въ 1110 году, читается запись, свидѣтельствующая о томъ, что „книгы си лѣтописецъ“ написаны игуменомъ Сильвестромъ святаго Михаила въ 6624 (1116) году. Однако, противъ признанія Сильвестра составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ можно привести слѣдующія два соображенія.

Во-первыхъ, Повѣсть временныхъ лѣтъ уже въ древнѣйшихъ своихъ частяхъ оказывается памятникомъ Печерскимъ. Въ основаніе Повѣсти временныхъ лѣтъ легъ лѣтописный сводъ, доведенный до девяностыхъ годовъ XI столѣтія; онъ возстановливается путемъ сопоставленія Повѣсти временныхъ лѣтъ съ Новгородскою 1-ю лѣтописью по Коммиссіонному и сходнымъ съ нимъ спискамъ (въ этой лѣтописи сохранились нѣкоторые отрывки свода, по своему составу несомнѣнно старшаго, чѣмъ Повѣсть временныхъ лѣтъ). Что этотъ лѣтописный сводъ составленъ въ Печерскомъ монастырѣ, видно между прочимъ изъ того, что онъ содержалъ подъ 6582 (1074) годомъ разсказъ о кончинѣ Феодосія игумена Печерскаго. Содержаніе предисловія къ этому своду (сохранившагося въ началѣ указанныхъ списковъ Новгородской 1-й лѣтописи) ведетъ насъ ко времени игуменства Іоанна, смѣлаго обличителя кievскаго князя Святополка (объ обостренныхъ отношеніяхъ Іоанна къ Святополку свидѣлствуетъ Поликарпово сказаніе о Прохорѣ лебедникѣ). Это обстоятельство, въ связи съ нѣкоторыми еще другими соображеніями, побуждаетъ меня отнести составленіе свода, предшествовавшаго Повѣсти временныхъ лѣтъ, ко времени 1093—1096 г. и видѣть его окончаніе въ тѣхъ благочестивыхъ разсужденіяхъ, которыя читаются въ Повѣсти временныхъ лѣтъ подъ 1093 годомъ²⁾. Я буду называть этотъ сводъ Іоанновскимъ по имени того игумена, при которомъ онъ возникъ въ Печерскомъ монастырѣ. Итакъ, предположивъ, что Повѣсть временныхъ лѣтъ составлена Михайловскимъ игуменомъ Сильвестромъ, намъ пришлось бы допустить, что главными его источниками были: а) Кіевопечерскій лѣтописный сводъ конца XI в., б) Кіевопечерская лѣтопись, обнимавшая послѣдующія событія и оканчивавшаяся 1110 годомъ. Невозможнаго въ томъ, что Сильвестру пришлось обрабатывать лѣтописные матеріалы не своего, а чужого монастыря, конечно, нѣтъ, но гораздо вѣроятнѣе предположить, что эта обработка и между прочимъ присодиненіе къ своду конца XI в. записей послѣдующихъ монастырскихъ событій произведены въ самомъ Кіевопечерскомъ монастырѣ.

Во-вторыхъ, противъ признанія Сильвестра составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ можно привести еще слѣдующее соображеніе. Во многихъ древнихъ спискахъ въ самомъ заглавіи къ этому произведенію стоитъ указаніе на его автора, монаха Кіевопечерскаго монастыря: „Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Феодосьева монастыря Печерскаго“ — такъ читается заглавіе въ Радзивиловскомъ, Московско - Академическомъ

и Ипатьевскомъ спискахъ. Трудно было бы понять, какъ могло возникнуть такое заглавіе, еслибы составителемъ Повѣсти временныхъ лѣтъ былъ дѣйствительно Михайловскій игумень Сильвестръ.

Отношеніе игумена Сильвестра къ Повѣсти вр. лѣтъ можно опредѣлить, какъ отношеніе редактора къ готовому, уже сложившемуся памятнику. Игумень Сильвестръ въ 1116 году изготавилъ копію съ Киевопечерскаго лѣтописнаго свода для своего монастыря святаго Михаила и этимъ положилъ основаніе для лѣтописанія въ этомъ монастырѣ. Основанное Сильвестромъ дѣло продолжалось въ Михайловскомъ монастырѣ по крайней мѣрѣ до конца XII в.; до насъ въ Ипатьевскомъ списокѣ дошла запись 6707—6708 (1199—1200) годовъ о построеніи княземъ Рюрикомъ Ростиславичемъ каменной стѣны подъ церковью св. Михаила у Днѣпра на Выдобычи; запись сопровождается пространною похвалою строителю и несомнѣнно составлена въ самомъ Михайловскомъ монастырѣ, свидѣтельствуя вмѣстѣ съ тѣмъ о веденіи въ этомъ монастырѣ лѣтописи.

Имѣется рядъ основаній для признанія Лаврентьевскаго списка особенно точно передающимъ особенности Сильвестровской редакціи Повѣсти вр. лѣтъ; ср. сохраненіе въ этомъ списокѣ записи Сильвестра. То обстоятельство, что въ Лавр. списокѣ заглавіе Повѣсти вр. лѣтъ не содержитъ указанія на ея составителя, Киевопечерскаго монаха, свидѣтельствуешь, вѣроятно, о томъ, что это указаніе было выпущено Сильвестромъ: опущеніе естественное для той цѣли, которую очевидно преслѣдовалъ Сильвестръ — основать лѣтописаніе въ своемъ монастырѣ. Но отсюда слѣдуетъ, что списки, сохранившіе указаніе составителя Повѣсти вр. лѣтъ, основывались не на Сильвестровской, а на старшей, чѣмъ Сильвестровская, редакціи. Ипатьевскій списокъ представляетъ чрезвычайно рѣзкія отличія въ своемъ составѣ отъ Лаврентьевскаго: во-первыхъ, здѣсь, начиная съ семидесятихъ годовъ XI столѣтія, имѣются извѣстія, отсутствующія въ Лаврентьевскомъ (многія изъ нихъ связаны такъ или иначе съ Владиміромъ Мономахомъ), во-вторыхъ, подробный рассказъ современника, доведенный въ Лаврентьевскомъ только до 1110 года, находитъ себѣ здѣсь продолженіе, доходящее по крайней мѣрѣ до 1118 (6626) года, съ котораго рассказъ становится краткимъ и отрывочнымъ. Продолженіе къ Повѣсти вр. лѣтъ начинается съ длинныхъ благочестивыхъ разсужденій по поводу явленія огненнаго столпа надъ Печерскимъ монастыремъ. Начало этихъ разсужденій имѣется и въ Лаврентьевскомъ

спискѣ, но они оборваны здѣсь. Это объясняется тѣмъ, что составитель Лаврентьевскаго списка (или точнѣе, протографа этого списка) пользовался не только Сильвестровскою редакціей, гдѣ благочестивыя разсужденія по поводу событія 11 февраля 1110 года отсутствовали совсѣмъ, но и той, очевидно, позднѣйшею редакціей, которая лежитъ въ основаніи Ипатьевского списка; списавъ изъ этого второго своего источника начало благочестивыхъ разсужденій по поводу явленія огненнаго столпа, составитель Лаврентьевскаго списка (его протографа) вернулся къ первому своему источнику и списалъ изъ него записи игумена Сильвестра. Такимъ образомъ у насъ является представленіе о трехъ редакціяхъ Повѣсти вр. лѣтъ: первой, первоначальной, составленной въ Кіевопечерскомъ монастырѣ и доведенной до 1110 года; второй, Сильвестровской, копій съ первой, составленной въ Михайловскомъ монастырѣ въ 1116 году; третьей, основывающейся, согласно предидущему, на первой и продолжившей лѣтописный разказъ до 1117 года включительно. Вторая (Сильвестровская) редакція въ своемъ заглавіи не содержитъ указанія на составителя; напротивъ, третья давала въ заглавіи — и это очевидно подъ вліяніемъ первой, первоначальной — указаніе на монаха Печерскаго монастыря, какъ на составителя, я говорю — очевидно потому, что самый составъ Повѣсти вр. лѣтъ свидѣтельствуетъ, что она возникла въ Печерскомъ монастырѣ, составлена Печерскимъ монахомъ. Ни одна изъ трехъ редакцій Повѣсти вр. лѣтъ не дошла до насъ въ чистомъ, первоначальномъ видѣ: первая редакція, какъ увидимъ, не была вообще использована послѣдующими сводчиками; вторая, Сильвестровская, легла въ основаніе Лаврентьевскаго списка (его протографа), пользовавшагося однако и третьею; третья редакція легла въ основаніе Ипатьевского списка (его протографа), воспользовавшагося однако чтеніями и второй редакціи³).

Прежде чѣмъ перейти къ вопросу, кто былъ тотъ монахъ Кіевопечерскаго монастыря, которому Ипатьевскій и Радзивилловскій списки приписываютъ составленіе Повѣсти вр. лѣтъ, остановлюсь на одномъ лицѣ, котораго нѣкоторые изслѣдователи склонны признать составителемъ или однимъ изъ составителей Повѣсти вр. лѣтъ. Это Василій, личность котораго обнаруживается въ разказѣ объ ослѣпленіи кн. Василька Ростиславича и о послѣдующихъ событіяхъ (1097—1099 гг.). Сказавъ о заточеніи Василька Ростиславича во Владимірѣ, лѣтописецъ

говорить о себѣ въ первомъ лицѣ: его призвалъ къ себѣ кн. Давыдъ Игоревичъ и послалъ для переговоровъ къ Васильку; „и рече ми: ...да се, Василю, шлю тя, иди к Василкови, тезу своему, с сима отрокома и молви ему тако“. Но какъ это было давно указано многими изслѣдователями, рассказъ Василя представляется отдѣльнымъ произведеніемъ, вставленнымъ въ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ. Едва ли, на примѣръ, можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что приведенное только что мѣсто читалось нѣкогда въ непосредственной связи въ сообщеніемъ о заточеніи Василька во Владимірѣ: „и посадиша и въ дворѣ Вакѣвѣ и приставиша 30 мужъ стеречи и 2 отрока княжа, Улана и Колчю“; а между тѣмъ въ Повѣсти вр. лѣтъ оба отрывка разъединены обширною вставкою, гдѣ говорится о кievскихъ событіяхъ; второй отрывокъ пришлось ввести особою, искусственно составленною фразой: „Василкови же сущю Володимири, на прежереченѣмъ мѣстѣ“. Слѣдовательно, рассказъ Василя вставленъ въ текстъ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ; уже поэтому Василю нельзя приписать самое составленіе Повѣсти вр. лѣтъ; составитель Повѣсти и притомъ не непременно первой ея редакціи вставилъ рассказъ Василя въ свой трудъ, заимствовавъ его въ готовомъ видѣ изъ другого источника.

Позволю себѣ дальнѣйшее отступленіе отъ главной моей задачи. Существенно важнымъ представляется мнѣ вопросъ, кто именно изъ редакторовъ Повѣсти вр. лѣтъ вставилъ рассказъ Василя въ лѣтописный сводъ? Нижеслѣдующія соображенія заставляютъ предположить, что Василій былъ знакомъ съ Повѣстью временныхъ лѣтъ (въ первой или второй редакціи) и что, слѣдовательно, его рассказъ вставленъ въ Повѣсть вторымъ или третьимъ ея редакторомъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Рассказъ Василя оканчивается отрывкомъ: „А на 2-е лѣто Святполкъ, Володимеръ, Давыдъ и Олегъ привабиша Давыда Игоревича, и не даша ему Володимеря, но даша ему Дорогобужъ, въ немже и умре; а Святполкъ перея Володимеръ, и посади в немъ сына своего Ярослава“. Связь этого отрывка съ нижеслѣдующею статьей Повѣсти вр. лѣтъ, гдѣ (подъ 1100 годомъ) описывается съѣздъ князей въ Увѣтичахъ, совершенно очевидна; очевидно также и то, что приведенный отрывокъ извлеченъ изъ текста указанной статьи: дѣйствительно, слова „привабиша Давыда Игоревича“ ведутъ насъ къ этой статьѣ, гдѣ читаемъ: „и приде к нимъ Игоревичъ Давыдъ, и рече к нимъ: на что мя есте привабили?“ Слова „и не даша ему Володи-

мера“ ср. въ статьѣ объ Увѣтичевскомъ съѣздѣ со словами князей, обращенными къ Давыду: „не хотимъ ти дати стола Володимѣрскаго, зане ввергль еси ножъ в ны“. Слова „но даша ему Дорогобужъ, в немже и умре“ передаютъ неточно то, что сообщается въ статьѣ объ Увѣтичевскомъ съѣздѣ, гдѣ сказано, что братья дали Давыду Бужскій Острогъ, причѣмъ Святополкъ придалъ ему Черторыйскъ и Дубенъ, Владиміръ 200 гривенъ, Давыдъ и Олегъ 200 гривенъ. „А Давыдъ сѣде Божьскѣмъ, и посемъ вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужъ, в немже и умре“. Наконецъ, слова „а Святополкъ перея Володимѣръ, и посади в немъ сына своего Ярослава“ возводятся къ сообщенію указанной статьи, гдѣ говорится, что Святополкъ „Володимѣръ вда сынови своему Ярославу“.

Имѣемъ основаніе утверждать, что рассматриваемый отрывокъ составляетъ одно цѣлое съ предшествующимъ разсказомъ Василия. Онъ вводится словами „А на 2-е лѣто“; это манера Василия; въ его разсказѣ отсутствуютъ названія годовъ; хронологическая послѣдовательность событій опредѣляется словами, какъ „и яко приближися постъ великій“, „и наставши веснѣ“. Слова „а Святополкъ перея Володимѣръ“ сопоставьте въ предшествующемъ изложеніи со словами: „а Давыдъ перея Лучьскъ“, „а Давыдъ перея Володимѣръ“. Слѣдовательно, Василий, извлекшій рассматриваемый отрывокъ изъ лѣтописной статьи объ Увѣтичевскомъ съѣздѣ, былъ очевидно знакомъ съ Повѣстью вр. лѣтъ, гдѣ помѣщалась эта статья. А отсюда неминуемо слѣдуетъ и другой выводъ: разсказъ Василия не читался въ первой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, но попалъ въ вторую или третью ея редакціи.

Можно представить себѣ, что дѣло происходило приблизительно такъ. Первоначальная редакція Повѣсти вр. лѣтъ, составленная около 1110 года при жизни Святополка, въ то время близкаго къ Печерскому монастырю, сообщала о тяжелыхъ событіяхъ 1097—1099 года лишь краткія, отрывочныя свѣдѣнія; разсказать подробности ослѣпленія Василька, которое совершилось при явномъ попустительствѣ Святополка, представлялось неудобнымъ и опаснымъ. Вторая, Сильвестровская редакція, составленная послѣ смерти Святополка, вообще внесла мало добавленій и измѣненій въ первоначальную редакцію; возможно, однако, что Сильвестру принадлежит прибавленіе „и по семь вдасть Святополкъ Давыдови Дорогобужъ, в немже и умре“; это прибавленіе сдѣлано во всякомъ случаѣ послѣ 25 мая 1113 года, когда умеръ Давыдъ. Эта вторая редакція Повѣсти вр.

лѣтъ, вскорѣ послѣ своего появленія, стала извѣстна въ Перемышлѣ при дворѣ Ростиславичей, Володаря и Василька; возможно, что это зависѣло отъ той связи, которая по той или иной причинѣ установилась между Василькомъ Ростиславичемъ и Михайловскимъ Выдобычскимъ монастыремъ; такая связь засвидѣтельствована рассказомъ о ноябрьскихъ событіяхъ 1097 года: возвращаясь съ княжескаго съѣзда въ Любечѣ къ себѣ въ Теробовль, Василько „перевезеся на Выдобычъ, и иде поклонитися къ святому Михаилу в манастирь, и ужина ту“. Попавшій такъ или иначе въ Перемышль Сильвестровскій сводъ (или копія съ него) побудилъ состоявшаго при князѣ Василькѣ священника, быть можетъ, его духовника, Василия къ описанію тѣхъ событій, о которыхъ глухо и кратко сообщала кievская рукопись; Василій былъ очевидцемъ этихъ событій; онъ пережилъ ихъ и перечувствовалъ ихъ вмѣстѣ съ несчастнымъ княземъ. Описаніе Василия, сильное и правдивое, стало вскорѣ извѣстно въ Кіевѣ. Имъ воспользовался и цѣликомъ включилъ въ свой сводъ составитель третьей редакціи Повѣсти временныхъ лѣтъ, работавшій въ 1117—1118 году. По всему видно, что составитель этой редакціи былъ человѣкъ, близкій къ Владимиру Мономаху: я говорилъ уже выше о вставкахъ извѣстій, относящихся къ Владимиру, въ третьей редакціи Повѣсти. Понятно, что онъ, воспользовавшись новымъ матеріаломъ, рассказомъ Василька, не преминулъ вставить кое-что и отъ себя для освѣщенія событій 1097—1098 годовъ. Составителю третьей редакціи принадлежитъ та обширная вставка, разбивающая рассказъ Василия, о которой мы говорили выше; здѣсь сообщается о походѣ Владимира и обоихъ Святославичей противъ Святополка, котораго они прямо обвиняютъ въ совершившемся преступленіи („Что се зло створилъ еси в Русьстѣй земли, и ввергль еси ножъ в ны? чему еси слѣпилъ братъ свой?“). Владимиру въ рассказѣ отводится первенствующая роль. Лѣтописецъ позволяетъ себѣ сдѣлать отступленіе, содержащее похвалу Владимиру. Текстъ похвалы показываетъ, что она составлена современникомъ; ср. фразы какъ „Володимеръ же такъ есть любѣзливъ“, „аще кого видить или шюмна или в коемъ зазорѣ“ (ср. Ипат. и Радзив.; въ Лавр.: „Володимеръ бо такъ бѣше любезнивъ“, „аще кого видяше“); ясно, что похвала составлена въ то время, когда Владимиръ былъ кievскимъ княземъ, т. е. послѣ 1113 года.

Изложенное предположеніе относительно того, что Василій составилъ свой рассказъ въ Перемышлѣ, гдѣ онъ, въ качествѣ

духовника, находился при Василькѣ Ростиславичѣ, нуждается въ нѣсколькихъ дополнительныхъ замѣчаніяхъ. Во-первыхъ, близость Василя къ Васильку устанавливается фактомъ обращенія къ нему Давыда Игоревича, когда во Владимірѣ содержался въ заточеніи Василько Ростиславичѣ. Далѣе близость Василя къ Васильку подтверждается замѣчаніемъ, сдѣланнымъ Васиіемъ по поводу раны, нанесенной Васильку при его ослѣпленіи: „и есть рана та на Василкѣ и нынѣ“; очевидно, рассказчикъ имѣлъ случай видѣть Василька, который послѣ 1099 года едва ли выѣзжалъ куда-нибудь за предѣлы своихъ владѣній. Во-вторыхъ, духовный санъ Василя и вѣроятность того, что онъ состоялъ духовникомъ Василька Ростиславича, доказывається тѣми полными, впрочемъ, благожелательства духовными назиданіями, которыя преподаются имъ князю. Васиій осуждаетъ Василька за жестокости, учиненныя имъ подъ вліяніемъ чувства мести. По взятіи Всеволожа Володаремъ и Василькомъ, они зажгли этотъ городъ: „и бѣгоша людье огня, и повелѣ Василко исѣчи вся, и створи мщеніе на людехъ неповинныхъ, и пролья кровь неповинну“. Когда осажденный во Владимірѣ Давыдъ принужденъ былъ выдать Ростиславичамъ Василя и Лазаря, которыхъ Василько считалъ виновниками своего несчастья, Васильковичи повѣсили и разстрѣляли ихъ; „се же 2-е мщеніе створи — замѣчаетъ Васиій — егоже не бѣше лѣпо створити, да бы Богъ отмстникъ былъ, и взложить было на Бога мщеніе свое, якоже рече пророкъ“ и т. д. Когда, напротивъ, нравственное право на сторонѣ Василька, это подчеркивается Васиіемъ; такъ Святополкъ, нарушивъ крестное цѣлованіе, пошелъ на Ростиславичей послѣ своей побѣды надъ Давыдомъ Игоревичемъ. „Се слышавъ Володаръ и Василко поидоста противу, взявша крестъ, егоже бѣ цѣловаль къ нима“. Противники встрѣтились „на поли на Рожни“; Василько „възвыси крестъ, глаголя: ...да буди межи нами крестъ съ“, „и мнози чловѣци благовѣрнии“, во время послѣдовавшаго сраженія, „видѣша крестъ надъ Василковы вои възвышся велми“. Въ-третьихъ, несомнѣнно, что Васиій не кіевлянинъ и что онъ писалъ свой рассказъ не въ Кіевѣ; сообщая объ ослѣпленіи Василька въ Звенигородѣ¹⁾, Васиій прибавляетъ: „иже есть городъ малъ оу Кіева, яко десяти верьсть и въдале“. Для кіевлянъ такой комментарий представлялся бы излишнимъ, но онъ былъ необходимъ въ Перемышлѣ, ибо недалеко оттуда, среди Червенскихъ городовъ, находился другой Звенигородъ. Топографическая освѣдомленность въ рассказѣ о пораженіи Венгровъ у Пере-

мышля указываесть на то, что Василій родомъ оттуда, изъ тѣхъ мѣстъ; ср. „и побѣгоша Угри, и мнози истопоша в Вягру, а друзи в Сану, и бѣжаше возлѣ Санѣ у гору, и спихаху другъ друга“.

Чтобы подкрѣпить предположеніе о томъ, что разсказъ Василія попалъ только уже въ третью редакцію Повѣсти вр. лѣтъ и показать, что это не противорѣчитъ составу нашихъ списковъ, которые всѣ содержатъ этотъ разсказъ, я сошлюсь на нижеслѣдующій отрывокъ, внесенный въ Повѣсть вр. лѣтъ только въ третьей ея редакціи и тѣмъ не менѣе читающійся не только въ Ипат. и Хлѣбн., но также и въ Лавр., Радзив. спискахъ. Отрывокъ этотъ вставленъ въ лѣтописную статью 6604 (1096) года. Начинаясь словами „Се же хоцю сказати, яже слышахъ преже сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрята Роговичъ Новгородецъ, глаголя сие“, онъ содержитъ разсказъ о сѣверныхъ народахъ, съ которыми торговали Новгородцы, — Печерѣ, Югрѣ и Самояди, и объясненіе лѣтописца, отождествившаго эти народы съ тѣми нечистыми племенами, которыя заточилъ Александръ Македонскій въ непроходимыхъ горахъ, согласно свидѣтельству Меѳодія Патарскаго. Связь этого отрывка со статьей 6622 (1114) года, читающеюся въ Ипатьевскомъ спискѣ, совершенно очевидна; въ этой статьѣ лѣтописецъ сообщаетъ о себѣ, что онъ въ 6622 году посѣтилъ Ладогу и услышалъ отъ посадника Павла и прочихъ ладожанъ дивные разсказы о падающихъ съ неба стекляныхъ камушкахъ, а также о подобныхъ же чудесныхъ явленіяхъ, видѣнныхъ старыми людьми, ходившими за Югру и за Самоядь. Заключаю отсюда, что лѣтописецъ посѣтилъ новгородскій сѣверъ за четыре года до своей работы надъ Повѣстью временныхъ лѣтъ, которую, согласно предидущему, онъ исполнилъ въ 1117—1118 году, слѣдовательно — въ 1113—1114 году; это подтверждается точнымъ указаніемъ года, когда онъ, согласно Ипатьевскому списку, посѣтилъ Ладогу. Итакъ отрывокъ, содержащій бесѣду лѣтописца съ Гюрятой Новгородцемъ, а также ссылку на Меѳодія Патарскаго, составленъ авторомъ третьей редакціи Повѣсти вр. лѣтъ, а между тѣмъ онъ читается одинаково не только въ Ипат. и Хлѣбн. (близко стоящихъ вообще къ 3-й редакціи), но также и въ Лавр. (основывающемся прежде всего на 2-й, Сильвестровской редакціи). Слѣдовательно, и разсказъ Василія такимъ же путемъ, какъ отрывокъ, внесенный въ статью 1096 года, могъ проникнуть одинаково и въ Ипат. и въ Лавр.

Мы предположили, что рассказ Василя о событіяхъ 1097—1099 годовъ внесенъ въ Повѣсть вр. лѣтъ составителемъ третьей редакціи, который далъ въ изложеніи этихъ событій и свои добавленія. Если это предположеніе вѣрно, то въ дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводахъ, въ рассказъ о событіяхъ 1097—1099 годовъ, должны оказаться слѣды трехъ повѣствователей: составителя первой редакціи, далѣе Василя, и наконецъ, составителя третьей редакціи. И дѣйствительно, видимъ въ дошедшихъ сводахъ, во-первыхъ, чтенія первой редакціи; сюда относится напр. изложеніе событій подъ 6606 (1098) и 6607 (1099) годами: „В лѣто 6606. Приде Володимеръ, и Давыдъ, и Олегъ на Святополка, и сташа у Городца, и створиша миръ, якоже и в прежнее лѣто сказахъ⁵⁾“. В лѣто 6607. Изиде Святополкъ на Давыда к Володимерю и прогна Давыда в Ляхы. В се же лѣто побьени Угри у Перемышля. В се же лѣто убьень Мстиславъ, сынъ Святополчъ, в Володимери, мѣсяца июня въ 12 день⁶⁾“. Во-вторыхъ, въ статьѣ 6605 (1097) года видимъ рассказъ Василя, но онъ, какъ мы видѣли, прерывается обширной вставкой о походѣ Владиміра и обоихъ Святославичей противъ Святополка. Въ-третьихъ, эта вставка, какъ указываетъ между прочимъ содержащаяся въ ней похвала Владиміру, принадлежитъ перу составителя третьей редакціи.

Возвращаясь къ прерванной нити изслѣдованія. Главнымъ результатомъ его является слѣдующій выводъ: вторая редакція Повѣсти вр. лѣтъ составлена Михайловскимъ игуменомъ Сильвестромъ; третья редакція, возникшая въ 1117—1118 году, указывала въ своемъ заглавіи, что Повѣсть вр. лѣтъ составлена черноризцемъ Θεодосіева монастыря Печерскаго. Указаніе это надо признать неполнымъ, недостаточнымъ; безъ всякаго сомнѣнія здѣсь опущено имя черноризца, составившаго Повѣсть вр. лѣтъ; очевидно, имя черноризца стояло въ первоначальной редакціи заглавія, слѣдовательно, въ заглавіи первой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ. Составитель второй редакціи работалъ въ другомъ монастырѣ: естественно, что онъ пропустилъ указаніе на составителя памятника, монаха иной обители. Третья редакція Повѣсти вр. лѣтъ всего вѣроятнѣе составлена тамъ, гдѣ возникла первая, т. е. въ Киевопечерскомъ монастырѣ; объ этомъ можетъ свидѣтельствовать статья 6620 (1112) года, читающаяся въ Ипатьевскомъ спискѣ: здѣсь сообщается объ избраніи братьей Печерскаго монастыря въ игумены Прохора попина на мѣсто переведеннаго въ Черниговъ епископомъ игумена Θεок-

тиста, приче́мъ точно указанъ день избра́нія новаго игумена. Не призна́тъ ли пропускъ имени составителя Повѣсти вр. лѣтъ въ третьей ея редакціи вызваннымъ тѣмъ, что новый редакторъ, такой же монахъ Кіевопечерской обители, какъ и первый редакторъ, счелъ себя въ правѣ обезличить коллективный трудъ, опустивъ имя перваго редактора, но сохранивъ слова „черно-ри́зца Феодосіева монастыря Печерскаго?“

Во всякомъ случаѣ въ первой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ было указано въ заглавіи имя ея составителя. Мы привели возможныя объясненія причины опущенія этого имени во второй и третьей редакціи Повѣсти. Перехожу къ вопросу, какое же имя стояло въ заглавіи первой редакціи, кто же именно былъ ея составителемъ?

Освященная значительно давностью традиція даетъ основаніе утверждать, что составителемъ древней лѣтописи былъ Несторъ, что слѣдовательно въ заглавіи первой редакціи читалось „Нестера чернори́зца Феодосіева монастыря Печерскаго“. Но, конечно, мы должны отнестись критически къ этой традиціи и послѣдуемъ ей только въ томъ случаѣ, если не найдемъ ее противорѣчащею тѣмъ или инымъ опредѣленнымъ фактамъ или не сумѣемъ объяснить ее какъ случайный домыселъ книжниковъ. Для этого разсмотримъ тѣ древнѣйшія свидѣтельства, которыя, если не создали традицію, то укрѣпили ее.

На первомъ мѣстѣ стоятъ свидѣтельства Поликарпа, Кіевопечерскаго монаха, составившаго въ 1225—1226 году рядъ содержательныхъ повѣствованій о древнихъ подвижникахъ родной обители. Повѣствованія эти сохранились въ Кіевопечерскомъ патерикѣ, древнѣйшая редакція котораго (но отнюдь не первоначальная) сохранилась въ спискѣ 1406 года; въ болѣе полномъ видѣ повѣствованія читаются въ двухъ Кассіановскихъ (уставщика Кіевопечерскаго Кассіана) редакціяхъ, первой — 1460 года, второй — 1462 года, а также въ предшествовавшей имъ Іоанновской или основной редакціи¹⁾. Въ сказаніи Поликарпа о Никитѣ затворникѣ, читающемся и въ Арсеніевской редакціи 1406 года и во всѣхъ остальныхъ, въ числѣ прочихъ монаховъ, прогнавшихъ молитвами бѣсовъ, овладѣвшихъ Никитой, названъ „Нестеръ, иже написа лѣтописецъ“. Въ благочестивыхъ разсужденіяхъ Поликарпа, помѣщенныхъ въ концѣ сказанія объ Агапитѣ безмездномъ врачѣ (эти разсужденія опущены въ Арсеніевской редакціи), находимъ слѣдующую опредѣленную ссылку на Нестора: „якоже блаженны Нестеръ в лѣтописцѣ написа о блаженныхъ отцѣхъ, о Дамьянѣ, Иеремѣи, и Матфеѣ, и Иса-

кін". Сказанія объ этихъ угодникахъ читаются подъ 1074 годомъ въ Повѣсти вр. лѣтъ. Отсюда заключаемъ, что Поликарпъ подъ лѣтописцемъ разумѣлъ именно Повѣсть временныхъ лѣтъ. Это заключеніе можно подтвердить и другими данными⁶⁾. Слѣдовательно, Поликарпъ, писатель первой половины XIII столѣтія, имѣлъ тѣ или иныя основанія для признанія Нестора составителемъ Повѣсти вр. лѣтъ.

Кассіанъ, уставщикъ Киевопечерскаго монастыря, внесъ въ Печерскій патерикъ нѣсколько статей изъ Повѣсти вр. лѣтъ; онъ приписалъ ихъ авторству Нестора, очевидно, признавая самую Повѣсть вр. лѣтъ составленною Несторомъ. Такъ въ первой редакціи Кассіана статья о началѣ Печерскаго монастыря озаглавлена „Нестера, мниха обители монастыря Печерскаго, сказаніе что ради прозвася Печерскій монастырь“. Во второй редакціи, кромѣ этой статьи, именемъ Нестора озаглавлено сказаніе о перенесеніи мощей Ѳеодосія: „Нестера, мниха монастыря Печерьскаго, о пренесеніи мощемъ святаго преподобнаго отца нашего Ѳеодосія Печерьскаго августа 14“⁷⁾. Въ этой второй, а частью и въ первой редакціи, Кассіанъ пошелъ еще дальше: онъ вставилъ имя Нестора и въ самый текстъ статей, гдѣ авторъ ихъ говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Такъ въ концѣ перваго сказанія — о началѣ Печерскаго монастыря — вмѣсто словъ первой Кассіановской редакціи (точно передающихъ текстъ Повѣсти вр. лѣтъ) „к нему же и азъ приидохъ, худыи и недостойныи рабъ“, въ Кассіановской второй читается: „приидох же азъ к нему, худый и недостойный рабъ Нестеръ“. Въ похвалѣ Ѳеодосію, помѣщенной за сказаніемъ объ обрѣтеніи его мощей, читаемъ въ Кассіановской первой и второй редакціи: „Азъ же, грѣшный, недостойный рабъ его и ученикъ Несторъ“, и ниже: „молися за ны и за мя, раба твоего Нестора“. — Какое значеніе для интересующаго насъ вопроса имѣютъ эти, сдѣланныя Кассіаномъ, вставки? Ни въ коемъ случаѣ не заключимъ изъ нихъ, что въ распоряженіи Кассіана находился какой нибудь старый текстъ съ именемъ Нестора; сравненіе второй редакціи съ первой убѣждаетъ, что вставки обязаны домыслу Кассіана. Но на чемъ основанъ этотъ домыселъ? Невѣроятно было бы предположить, что Кассіанъ руководствовался однимъ только авторитетомъ Поликарпа, дважды упомянувшаго въ своихъ сказаніяхъ лѣтописца Нестора. Правдоподобнѣе думать, что въ распоряженіи Кассіана находился такой списокъ Повѣсти вр. лѣтъ, въ заглавіи котораго было указано, что Повѣсть составлена Несторомъ.

Подобные списки съ именемъ Нестора въ заглавіи могли несомнѣнно существовать въ XV в. въ Кіевѣ. Это видно изъ того, что до насъ дошли подобные списки южнорусскаго происхожденія XVI—XVII в. Это Хлѣбниковскій списокъ (XVI в.) Имп. Публ. библ. и происшедшіе отъ него Толстовскій, Ермолаевскій, Краковскій и др. Хлѣбниковскій списокъ озаглавленъ: „Повѣсти временныхъ лѣтъ Нестера черноризца Федосьева монастыря Печерскаго“. Мы не имѣемъ основанія предполагать, чтобы составитель Хлѣбниковскаго списка внесъ имя Нестора подъ вліяніемъ Кассіановской редакціи Патерика; такое основаніе было бы слишкомъ спорнымъ и мало убѣдительнымъ. Скорѣе передъ нами указаніе на исправленіе текста Хлѣбниковскаго списка по какому то другому древнему списку, изъ котораго заимствованъ рядъ старыхъ и болѣе исправныхъ чтеній и между прочимъ чтеніе „Нестера черноризца“ вмѣсто „черноризца“.

Итакъ передъ нами два факта, ведущихъ къ глубокой древности: во-первыхъ, свидѣтельство Поликарпа о томъ, что извѣстный ему лѣтописецъ, тождественный, какъ указано, съ Повѣстью вр. лѣтъ, составленъ Несторомъ; во-вторыхъ, наличность старыхъ списковъ (не позже XV в.) Повѣсти вр. лѣтъ съ именемъ Нестора въ ихъ заглавіи. Возможно, что и Поликарпъ основывалъ свое сообщеніе о лѣтописцѣ Несторѣ на списокѣ, содержащемъ имя Нестора въ заглавіи. Въ такомъ случаѣ передъ нами былъ бы слѣдующій одинъ фактъ: наличность въ XIII вѣкѣ списка Повѣсти вр. лѣтъ, озаглавленнаго именемъ Нестора.

Этого одного факта было достаточно для появленія той упорной традиціи, которая приписала составленіе Повѣсти вр. лѣтъ Нестору. Вопросъ о томъ, чѣмъ вызванъ такой предположенный нами фактъ, я разсмотрю ниже. Здѣсь я рѣшительно возражу, съ одной стороны, уставщику Кассіану, заключившему изъ заглавія Повѣсти вр. лѣтъ, что Несторъ составитель всѣхъ вообще статей, вошедшихъ въ составъ этого памятника; а съ другой стороны — многимъ изъ представителей русской исторической критики, которые, возражая противъ возможности признать ту или другую статью Повѣсти вр. лѣтъ составленною Несторомъ, приходили къ заключенію, что Несторъ вообще не имѣлъ никакого отношенія къ Повѣсти вр. лѣтъ.

Домысль уставщика Кассіана самымъ основательнымъ образомъ опровергнута нашими историками и историками литературы. Я повторю нѣкоторые изъ ихъ соображеній. Сказаніе

о началѣ Печерскаго монастыря, помѣщенное въ Повѣсти вр. лѣтъ подѣ 6559 (1051) годомъ, не можетъ быть составлено Несторомъ; въ немъ содержатся весьма существенныя противорѣчія съ Несторовымъ Житіемъ Ѳеодосія; возможно, конечно, допустить, что Несторъ съ теченіемъ времени, на основаніи новыхъ свѣдѣній и вновь возникшихъ легендъ, кое что разсказалъ бы о началѣ обители иначе, чѣмъ въ Житіи Ѳеодосія; но согласовать тѣ данныя, которыя о самихъ себѣ даютъ оба автора — Житія Ѳеодосія и Сказанія о началѣ Печерскаго монастыря, совершенно невозможно. Авторъ Житія, несомнѣнно Несторъ, называющій себя и въ началѣ и въ концѣ житія, общается о себѣ, что онъ Ѳеодосія не видѣлъ и принять былъ въ монастырь преемникомъ Ѳеодосія, игуменомъ Стефаномъ. Авторъ Сказанія говоритъ, что онъ въ семнадцатилѣтнемъ возрастѣ прибылъ къ Ѳеодосію и принять въ монастырь Ѳеодосіемъ. Равнымъ образомъ разсказъ о перенесеніи мощей Ѳеодосія, читающійся въ Повѣсти вр. лѣтъ подѣ 6599 (1091) годомъ, а также присоединенная къ нему похвала Ѳеодосію не могутъ принадлежать авторству Нестора, какъ это предположилъ Кассіанъ: авторъ похвалы называетъ себя рабомъ и ученикомъ Ѳеодосія („азъ же грѣшный твой рабъ и ученикъ недоумѣю, чимъ похвалити добраго твоего житія и въздержанья“), между тѣмъ Несторъ не могъ назвать себя ученикомъ Ѳеодосіевымъ.

Противорѣчій между Несторовымъ Житіемъ Ѳеодосія и Повѣстью вр. лѣтъ можно указать еще нѣсколько. Они есть напр. въ разсказѣ о послѣднихъ дняхъ Ѳеодосія и объ избраніи новаго игумена; едва ли можно приписать Нестору сообщеніе о видѣніи Матѳея прозорливаго, замѣтившаго въ церкви, на пустующемъ мѣстѣ игумена Никона, осла и заключившаго отсюда, что игумень еще спитъ; или также сообщеніе о томъ, что Исакій получалъ побои отъ игумена Никона; Несторъ въ Житіи Ѳеодосія отзывается о Никонѣ самымъ восторженнымъ образомъ, называя его великимъ. Всѣ эти противорѣчія доказываютъ, что статьи, излагающія древнѣйшія судьбы Печерской обители, составлены не Несторомъ, а другими черноризцами, однимъ или нѣсколькими. Но они не даютъ намъ права отрицать составленіе Повѣсти вр. лѣтъ Несторомъ, какъ надписаніе Повѣсти вр. лѣтъ именемъ Нестора не давало права Кассіану приписать Нестору составленіе всѣхъ статей, вошедшихъ въ ея составъ. Повѣсть вр. лѣтъ — трудъ коллективнаго творчества, разновременно при этомъ осуществлявшагося. Мы видѣли, что Повѣсти вр. лѣтъ предшествовалъ сводъ 1093—1096

годовъ; этому своду предшествовалъ повидимому старшій Кіевопечерскій сводъ, составленный въ семидесятыхъ годахъ XI столѣтія. Слѣдовательно въ Кіевопечерскомъ сводѣ, доведенномъ до 1110 года, можно было обнаружить авторство по крайней мѣрѣ трехъ Печерскихъ черноризцевъ: того, кто работалъ въ семидесятыхъ годахъ, того, кто составилъ сводъ въ девяностыхъ, и наконецъ, того, кто довель его до 1110 года. Выше, анализуя Лавр. списокъ, мы точно также обнаружили въ древней лѣтописи авторство нѣсколькихъ лѣтописцевъ.

Итакъ я не вижу тѣхъ отрицательныхъ данныхъ, которые позволили бы отвергнуть достовѣрность древняго свидѣтельства о томъ, что Повѣсть вр. лѣтъ составлена Несторомъ. Но вѣроятно ли это свидѣтельство само по себѣ? Какъ указано выше, передъ нами фактъ надписанія Повѣсти вр. лѣтъ именемъ Нестора. Онъ можетъ свидѣтельствовать или о томъ, что Повѣсть вр. лѣтъ дѣйствительно составлена Несторомъ, или о томъ, что имя Нестора вставлено въ заглавіе Повѣсти неправильно, по ошибкѣ или недоразумѣнію. Отрицаю возможность подобной ошибочной или тенденціозной вставки для XIII, XIV, XV вѣка, а между тѣмъ, какъ указано, и для XIII и для XV вѣка необходимо предположить наличность списковъ съ заглавіемъ, содержащимъ имя Нестора. Для меня совершенно понятно, почему Кассіанъ ошибочно приписалъ двѣ статьи Повѣсти вр. лѣтъ Нестору: въ его распоряженіи находима списокъ Повѣсти, озаглавленный именемъ Нестора. Могу въ крайнемъ случаѣ согласиться, что Кассіанъ руководствовался не этимъ обстоятельствомъ, а тѣмъ двукратнымъ упоминаніемъ Нестора, „иже написа лѣтописецъ“, которое онъ нашель въ сказаніяхъ Поликарпа. Но чѣмъ же руководствовался Поликарпъ? Что побудило Поликарпа приписать Нестору составленіе лѣтописца? Я утверждаю, что ему былъ извѣстенъ списокъ лѣтописи и именно Повѣсти вр. лѣтъ, озаглавленный именемъ Нестора. Если отвергнемъ это утвержденіе, то станемъ лицомъ къ лицу съ возможностью еще болѣе прочнаго и достовѣрнаго свидѣтельства: Поликарпъ руководствовался бы, слѣдовательно, неизвѣстными намъ данными, устанавливавшими авторство Нестора. Но я предпочитаю не имѣть дѣла съ такими, недостижимыми для критики данными. Я остаюсь при мысли, что Поликарпъ основывался на заглавіи бывшаго въ его распоряженіи списка Повѣсти вр. лѣтъ: въ этомъ заглавіи онъ нашель имя Нестора. О литературной славѣ Нестора позаботился не Поликарпъ, а самъ Несторъ. Несторъ, если имъ

руководило честолюбіе или желаніе сохранить свое имя для потомства, поступилъ правильно: никому не пришло бы на мысль создавать ему литературную славу, связывать съ именемъ Нестора почтенные литературные памятники, если бы самъ авторъ ихъ не далъ бы къ тому прямыхъ и непрекаемыхъ данныхъ. Несторъ надписывалъ свои произведенія своимъ именемъ и включалъ его охотно въ предисловія и послѣловія. Вотъ почему мы знаемъ, что Несторомъ составлены Чтеніе о погубленіи Бориса и Глѣба и знаменитое Житіе Θεодосія. Вѣрный своему обычному приему, Несторъ, составивъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, не преминулъ озаглавить ее своимъ именемъ. Самый фактъ появленія имени автора въ заглавіи лѣтописи (ср. въ Ипат., Радзив.: „черноризца Θεодосіева монастыря Печерскаго“) можетъ служить доказательствомъ того, что лѣтопись составлена именно Несторомъ.

Несмотря на то, что Несторъ включилъ въ свой трудъ обширный старшій лѣтописный сводъ, онъ былъ въ правѣ заявить въ заглавіи о своемъ авторствѣ. Старшій сводъ въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ подвергся полной переработкѣ. Напомнимъ, что сводъ 1093—1096 содержалъ о началѣ Руси весьма скудныя данныя; для освѣщенія древнѣйшаго періода онъ пользовался почти исключительно народными преданіями, скрѣпивъ ихъ только двумя краткими заимствованіями изъ хронографа (походы Руси на Царьградъ при царяхъ Михаилѣ и Романѣ)¹⁰). Несторъ привлекъ для дополненія и переработки начальныхъ страницъ лѣтописи рядъ новыхъ матеріаловъ: мы видимъ у него систематическую выборку изъ Амартола и его продолжателя всѣхъ извѣстій, связанныхъ съ Русью и съ Болгарами, видимъ заимствованія изъ хронографа при географическомъ обзорѣ русскихъ земель, а также при попыткѣ связать исторію Славянъ съ міровыми событіями, находимъ далѣе выписку изъ Житія Василя Новаго о набѣгѣ Руси на византійскіе предѣлы; Несторъ умѣло использовалъ статью о началѣ славянской письменности; онъ получилъ въ свое распоряженіе древнѣйшіе договоры съ Греками и цѣликомъ включилъ ихъ въ свой сводъ; онъ не пренебрегъ и народными преданіями, ожививъ ими какъ свое этнографическое введеніе, такъ и повѣствованіе объ Олегѣ, Ольгѣ и Владимірѣ. Несторъ справился удачно и съ изложеніемъ событій конца XI и начала XII вѣка. Сильный подъемъ чувствуется въ его разсказахъ о борьбѣ Кіева со степью; полно драматизма повѣствованіе о нашествіи Половцевъ на Печерскую обитель, разграбленную и сожженную ими; живо

описаны княжескіе съѣзды въ Увѣтичахъ и въ Долобскѣ¹¹⁾. Свои личныя впечатлѣнія, рассказы современниковъ (между ними Яна Вышатича) Несторъ сумѣлъ компилировать и съ письменными источниками: въ числѣ ихъ находился, повидимому, рассказъ о побѣдѣ Мстислава Владиміровича на Кулачкѣ (быть можетъ, включенный въ донесеніе Мстислава изъ Новгорода отцу или дядѣ, Святополку). Нестору же принадлежитъ ссылка на Меѳодія Патарскаго при объясненіи происхожденія Половцевъ, въ статьѣ 6604 (1096) года¹²⁾. Не обойду и явной тенденціозности Нестора при изложеніи нѣкоторыхъ фактовъ; съ особой силой проявилась она въ рассказѣ о призваніи Варяговъ, причѣмъ Несторъ послѣдовательно, но съ насиліемъ надъ своими источниками, проводилъ мысль о тождествѣ Руси и Варяговъ и о варяжскомъ происхожденіи Кіевского княжескаго дома.

Такимъ образомъ видимъ, что Нестору въ полномъ смыслѣ принадлежитъ честь созданія Повѣсти вр. лѣтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основанія древнѣйшей исторіи Руси. Мастерски составленный и богатый содержаніемъ Несторовъ сводъ возбудилъ при своемъ появленіи живой интересъ и прежде всего попытки переработки и дополненія. Эти новые своды — имѣю въ виду Сильвестровскій и сводъ 1118 года — оттѣснили на заднее мѣсто Несторовъ трудъ. Въ основаніе дальнѣйшаго лѣтописанія въ Кіевѣ, Переяславѣ Русскомъ, Черниговѣ, Галичѣ, Новгородѣ, позже во Владимірѣ кладутся обѣ позднѣйшія редакціи Повѣсти вр. лѣтъ. Несторова лѣтопись продолжаетъ свое существованіе въ первоначальномъ своемъ видѣ въ одномъ только Печерскомъ монастырѣ. Имѣемъ основаніе думать, что ею, въ подлинномъ ея видѣ и воспользовался Поликарпъ, когда составлялъ свои сказанія.

Основанія эти слѣдующія. Во-первыхъ, Поликарпъ общаетъ такія историческія данныя, которыхъ нѣтъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ Повѣсти вр. лѣтъ. Нѣкоторыя изъ нихъ можно объяснить домысломъ Поликарпа, напряженіемъ его творческой фантазіи¹³⁾; но есть и такія извѣстія, которыя очевидно основываются на письменномъ свидѣтельствѣ. Такъ мы читаемъ у Поликарпа, что Прохоръ лебедникъ пожелалъ передъ своею смертію увидѣть Святополка. Святополкъ въ это время былъ въ походѣ. Онъ распустилъ своихъ воиновъ и прибылъ въ монастырь. Прохоръ успѣлъ благословить князя и испустилъ при немъ духъ. Святополкъ похоронилъ его собственными руками, вернулся къ войску и одержалъ надъ безбожными Агарянами блестящую побѣду. И далѣе читаемъ: „И оттоле убо Святополкъ, егда исхождаше или на рать, или на ловы, и приходяше

в монастырь, съ благодареніемъ поклоняся святѣй Богородици и гробу Θεодосіеву, и вхождаше в пещеру къ святому Антонію и блаженному Прохору, и всѣмъ преподобнымъ отцемъ покланяся¹⁴⁾, и исхождаше в путь свой“. Это мѣсто тѣсно сблизается со статьей 6615 (1107) года Повѣсти вр. лѣтъ, гдѣ читаемъ сначала о славной побѣдѣ Святополка надъ Половцами у Лубенъ 12 августа; послѣ побѣды Святополкъ „приде в Печерскій монастырь на заутреню на Успенье святыя Богородица, и братья цѣловаша и с радостью великою, глаголюще, яко врази наши побѣжени быша, молитвами святыя Богородица и святаго отца нашего Θεодосія; такъ бо обычай имѣяше Святополкъ: коли идяше на войну, или инако, коли поклонивъся у гроба Θεодосіева и молитву возьмъ у игумена, ту сущаго, тоже идяше на путь свой“. Нельзя не признать, что разсказъ Поликарпа цѣлнѣе, чѣмъ сообщеніе Повѣсти вр. лѣтъ: прилежаніе Святополка къ Печерскому монастырю поставлено въ причинную связь съ благословеніемъ Прохора, даровавшимъ Святополку побѣду; въ Повѣсти вр. лѣтъ остается невыясненнымъ, почему Святополкъ послѣ побѣды у Лубенъ посѣтилъ Печерскую обитель, почему братья могла приписать эту побѣду именно молитвамъ св. обители и почему именно по этому случаю лѣтописецъ говоритъ объ обычномъ прилежаніи Святополка къ Печерскому монастырю. Представляется вѣроятнымъ, что въ первоначальной редакціи Повѣсти вр. лѣтъ передъ извѣстіемъ о побѣдѣ Святополка сообщалось о смерти Прохора и прибытіи Святополка къ его погребенію. Поликарпъ удачно воспользовался устанавливавшееся такимъ образомъ связью между славной побѣдой Святополка и посѣщеніемъ имъ монастыря; между тѣмъ послѣдующія редакціи Повѣсти вр. лѣтъ опустили извѣстіе о кончинѣ Прохора и вмѣсто указанія „и оттолѣ Святополкъ“ сообщили: „такъ бо обычай имѣяше Святополкъ“. Правдоподобность предложенной догадки усиливается тѣмъ, что Густынская лѣтопись соединяетъ подъ 6615 (1107) годомъ разсказы лѣтописи и Патерика и сообщаетъ, слѣдовательно, подъ 1107 годомъ, о кончинѣ Прохора. Замѣчу здѣсь, что кажущимся противорѣчіемъ разсказу Патерика является то обстоятельство, что память Прохора Печерскаго празднуется 10 февраля; Прохоръ умеръ за нѣсколько дней до побѣды Святополка, 12 августа; но съ полною увѣренностью утверждаю, что день памяти Прохора смѣшанъ съ днемъ памяти Пимена многострадальнаго; Пименъ многострадальный умеръ 10 февр. (см. ниже) и въ этотъ день должна быть ему память, а не 7 августа, когда умеръ Прохоръ лебедникъ.

Во-вторыхъ, пользованіе Поликарпомъ Повѣстью вр. лѣтъ не въ тѣхъ изводахъ, которые дошли до насъ, а въ другомъ старшемъ изводѣ, доказывается слѣдующимъ соображеніемъ. Послѣднимъ сказаніемъ Поликарпа является его повѣствованіе о Пименѣ многострадальномъ. Пимень, рассказываетъ Поликарпъ, лежалъ въ тяжкомъ недугѣ въ теченіе двадцати лѣтъ. „Въ время же преставленія его явишася три столпы надъ трапезницею и оттуду на верхъ церкви преидоша. О нихъ же речено бысть в лѣтописци“. Выше мы говорили о соотвѣствующемъ извѣстіи лѣтописи и указывали, что въ дошедшихъ до насъ изводахъ Повѣсти вр. лѣтъ говорится не о трехъ столпахъ, а только объ одномъ. Допустимъ ли мы въ виду этого неточность со стороны Поликарпа или отнесемъ чтеніе „три столпы“ насчетъ первой редакціи Повѣсти вр. лѣтъ? Я не вижу основанія, по которому одинъ столпъ превратился бы въ три столпа въ разсказѣ Поликарпа. Напротивъ, нахожу возможнымъ предположить, что въ первоначальной редакціи Повѣсти вр. лѣтъ говорилось дѣйствительно о трехъ столпахъ (ср. ниже), и понимаю, почему третья редакція Повѣсти измѣнила три столпа на одинъ: составитель третьей редакціи объяснилъ явленіе столпа ангельскимъ видѣніемъ: „се же бѣаше не огненный столпъ, но видъ ангелескъ“. Ангелъ сошелъ на землю, чтобы побудить Владиміра Мономаха къ походу. Понятно, что такой комментарий, такое толкованіе чудеснаго явленія требовали замѣны трехъ столповъ однимъ.

Сопоставленіе сказанія Поликарпа о Пименѣ многострадальномъ со сказаніемъ Симона о Пименѣ постникѣ, умершемъ въ одинъ и тотъ же день съ Киевопечерскимъ инокомъ Кукшей и его ученикомъ, убитыми Вятичами, дѣлаетъ вѣроятнымъ, что Пимень постникъ и Пимень многострадальный одно лицо¹⁵). Пимень, согласно сообщенію Симона, умеръ въ одинъ день и въ одинъ часъ съ Кукшей и его ученикомъ. Такимъ образомъ 10 февраля „противу свѣту“ умерли три славныхъ черноризца Печерскихъ (согласно сказанному выше, день празднованія Пимена опредѣлялся первоначально 10 февраля). Во время преставленія его, сообщаетъ Поликарпъ (т. е. 11 февраля в 1 часъ ночи, по свидѣтельству Повѣсти вр. лѣтъ), явились три огненныхъ столпа надъ Печерскимъ монастыремъ. Не поставлено ли было въ первоначальной редакціи Повѣсти вр. лѣтъ явленіе этихъ трехъ столповъ въ ту или другую связь съ одновременно случившеюся смертью трехъ братьевъ монастырскихъ? Сообщенію о явленіи трехъ столповъ не предшествовало ли въ лѣтописи

извѣстіе о смерти Пимена и убіеніи Кукши¹⁶⁾ и его ученика 10 февраля тогоже года? Итакъ имѣемъ основаніе думать, что въ распоряженіи Поликарпа находилась первоначальная, а согласно предидущему Несторова редакція Повѣсти вр. лѣтъ.

Подведу итоги предидущему изслѣдованію.

Въ 1093—1096 году возникъ Кіевопечерскій лѣтописный сводъ, составленный по распоряженію игумена Іоанна. Въ 1110 году Несторъ, которому въ то время было около 55 лѣтъ, принялся за составленіе новаго лѣтописнаго свода, названнаго имъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“. Въ основаніе положенъ предшествовавшій сводъ, но онъ дополненъ и переработанъ по многочисленнымъ устнымъ и письменнымъ источникамъ; погодное изложеніе доведено было въ немъ до 1110 года.

Въ 1116 году Несторова Повѣсть временныхъ лѣтъ переписывается Михайловскимъ игуменомъ Сильвестромъ. (Вторая редакція Повѣсти вр. лѣтъ).

Сильвестровскій сводъ, ставши извѣстнымъ въ Перемышлѣ при дворѣ Ростиславичей, побуждаетъ Василя, духовника князя Василя Ростиславича, составить описаніе ослѣпленія Василя и послѣдующихъ событій 1097—1099 годовъ.

Въ 1118 году Несторова лѣтопись подвергается въ Печерскомъ монастырѣ новой переработкѣ лицомъ близкимъ Владимиру Мономаху, включающимъ между прочимъ въ свой сводъ Василювъ разсказъ о событіяхъ 1097—1099 годовъ, выдвигающимъ при этомъ роль Мономаха и доводящимъ лѣтописное повѣствованіе до 1118 года. (Третья редакція Повѣсти временныхъ лѣтъ).

Въ основаніи дошедшихъ до насъ лѣтописныхъ сводовъ лежатъ вторая и третья редакція Повѣсти вр. лѣтъ, соединенныя въ одно цѣлое впервые, вѣроятно, при составленіи общерусскаго лѣтописнаго свода начала XIV вѣка и затѣмъ вліявшія, каждая въ отдѣльности, на новые своды, происшедшіе изъ этого общерусскаго свода.

Первоначальная Несторова редакція Повѣсти вр. лѣтъ использована Поликарпомъ въ его сказаніяхъ о печерскихъ угодникахъ XI—XII вѣка. Она оказала вліяніе и на тотъ древній сводъ, который послужилъ источникомъ нѣкоторыхъ поправокъ и дополненій въ Хлѣбниковскомъ спискѣ XVI вѣка.

¹⁾ Iwan Franko, Beiträge zur Quellenkritik einiger altrussischer Denkmäler. II. Die Komposition der ältesten Chronik (Archiv für slav. Phil. XXIX. 291—292).

²⁾ Позволяю себѣ сослаться на мою статью „Предисловіе къ Начальному Кіевскому своду и Несторова лѣтопись“ (Изв. Отд. р. яз. и сл. 1909 г., т. XIII, кн. 1); въ ней намѣчены и нѣкоторые предположенія о лѣтописцѣ Несторѣ; но они не были согласованы съ позднѣйшими моими работами надъ древнерусскими лѣтописными сводами.

³⁾ Радзивилловскій списокъ представляетъ чтенія частью Лаврентьевскаго списка, частью Ипатьевского.

⁴⁾ Такъ читается въ Ипат., Хлѣбн., между тѣмъ въ Радзив., Акад., Лавр. Звенигородъ замѣненъ по ошибкѣ Бѣлгородомъ.

⁵⁾ Подчеркнутыя слова принадлежатъ составителю третьей редакціи, изложившему (на основаніи сказанія Василия) приведенное событіе подъ 6605 годомъ съ большими подробностями.

⁶⁾ Обо всѣхъ этихъ событіяхъ читаемъ выше, подъ 6605 годомъ, подробный разсказъ Василия; но что приведенныя краткія извѣстія не извлечены отсюда, видно изъ того, что Василій не указалъ, въ какой именно день былъ убитъ, при осадѣ Владиміра, Мстиславъ Святополчичъ.

⁷⁾ См. изданіе Патерика подъ редакціей Д. И. Абрамовича: „Патерикъ Кіевского Печерскаго монастыря“, Спб. 1911; изслѣдованіе о немъ Д. И. Абрамовича, Спб. 1902.

⁸⁾ Такъ въ сказаніи о Моисѣѣ Угринѣ Поликарпѣ, сообщивъ, что послѣ смерти Болеслава „бысть мятежь великъ въ всей Лядской земли и въставше людѣ избиша епископы своя и бояры своя“, прибавляетъ „якоже и в лѣтописци повѣдаеть тогда“. Ср. въ Повѣсти вр. лѣтъ статью 6538 (1030) года, гдѣ читается: „и бысть мятежь великъ в земли Лядскѣ, и въставше людѣ избиша епископы, и попы, и бояры своя“. Въ сказаніи о Пименѣ многострадальномъ Поликарпъ разсказываетъ, что во время преставленія Пимена „явишася 3 столпы надъ трапезницею и оттуду на верхъ церкви преидоша“, прибавляя при этомъ: „о нихъ же речено бысть в лѣтописци“. Ср. въ Пов. вр. лѣтъ подъ 6618 (1110) годомъ: „явися столпъ огненъ отъ земля до небеси... съ же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣй... и постоявъ мало, съступи на церковь и ста надъ гробомъ Феодосіевымъ, и потомъ ступи на верхъ“. Ниже остановимся на существенномъ отличіи между лѣтописью, говорящей объ одномъ столпѣ, и Поликарпомъ, сообщающимъ о трехъ столпахъ.

⁹⁾ Въ первой редакціи: „Мѣсяца августа въ 14 день о пренесеніи мощемъ святаго и преподобнаго отца нашего Феодосія Печерскаго“ — безъ имени Нестора.

¹⁰⁾ Ср. Новгород. 1-ю лѣтопись по Комм. списку подъ 6362 и 6428 гг.

¹¹⁾ Описаніе съѣзда въ Долобскѣ 6611 (1103) года повліяло на составленное третьимъ редакторомъ Повѣсти вр. лѣтъ описаніе другого княжескаго съѣзда въ Долобскѣ въ 6619 (1111) году, ср. въ Ипат.

¹²⁾ Это отступленіе Нестора дало поводъ третьему редактору Повѣсти вр. лѣтъ къ новому отступленію, гдѣ онъ сообщаетъ о полунощныхъ странахъ (см. объ этомъ выше).

¹³⁾ Напр. сюда относится сообщеніе о томъ, что Никита затворникъ въ день убіенія Глѣба Святославича въ Заволочѣ послалъ сказать объ этомъ Изяславу, совѣтуя ему послать въ Новгородъ на столъ своего сына.

Ср. въ Пов. вр. лѣтъ подъ 6586 (1078): „В се же лѣто убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославъ, в Заволочии... Сѣдящу Святополку в него мѣсто Новѣгородъ, сыну Изяславу“, и т. д. — Таково же извѣстіе о томъ, что во время войны Святополка съ Давыдомъ Игоревичемъ и Ростиславичами, „не поустиша гости изъ Галича, ни лодии отъ Перемышля, и не бысть соли в всеи Роуской земли“. (См. сказаніе о Прохорѣ лебедникѣ).

¹⁴⁾ Въ такъ наз. Θεодосіевской редакціи прибавлено: „молитвы прося и благословения“, ср. изд. Д. И. Абрамовича, с. 264.

¹⁵⁾ Сопоставьте предвѣдѣніе предстоявшей ему смерти Пименомъ постникомъ и Пименомъ многострадальнымъ; тотъ и другой послѣ этого пророчествуютъ и исцѣляютъ недужныхъ; тотъ и другой входятъ въ церковь передъ самой смертью.

¹⁶⁾ Ошибочно относятъ нѣкоторые изслѣдователи Пимена постника къ тридцатымъ годамъ XII столѣтія. Есть основаніе думать, что Кукша, а слѣдовательно и Пименъ постникъ, если бы даже не отождествлять его съ Пименомъ многострадальнымъ, скончались не позже 1125 года, т. е. до послѣдняго года княженія Владиміра Мономаха; дѣло въ томъ, что въ обнародованномъ Н. К. Никольскимъ (Сб. Отд. р. яз. и сл. т. 82, с. 57) сказаніи о принесеніи въ Кіевъ перста Іоанна Крестителя въ княженіи Владиміра Мономаха упоминается Купшинъ монастырь, очевидно, основанный въ память Купши (такъ читается это имя въ Арсеньевской редакціи Патерика) или Кукши.

С.-Петербургъ, февраль 1913 года.

А. Махитовъ

0,60

ПРОБІРЕНО
С/Ф. 1987

B 5495
1992

B-5495

ЗМІСТ ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВОГО ЗБІРНИКА В ЧЕСТЬ ІВАНА ФРАНКА.

ПЕРЕДМОВА.

I. ЧАСТИНА ЛІТЕРАТУРНА:

1. Ivanovi Frankovi — Jana Rokyty (A. Černého); 2. Изъ поѣздки на пепелища Дунайской Сѣчи, „Нирвана“ — В. Г. Короленко; 3. Камѣни (идилія) — П. Тодорова; 4. Лука Чекинъ — М. Горькаго; 5. Триптих — Лесі Українки; 6. Хома Прядка — В. Винниченка; 7. Ювилят — Т. Бордуляка; 8. Народна ноша — Л. Мартовича; 9. Кров — Д. Лукіяновича; 10. Спогад — Уляни Кравченко.

II. ЧАСТИНА НАУКОВА:

1. Дещо про вийстя вкраїнської народности — Хведора Коржа; 2. Слїди скитської культури в Галичині — Володимира Гребеняка; 3. Двѣ-три замѣтки изъ области древнѣйшаго церковно-славянскаго перевода — Ватрослава Ягича; 4. Лѣтописецъ Несторъ — Алексѣя Шахматова; 5. Гомер в Галицькій лїтописи — Богдана Барвінського; 6. Козаччина в політичних комбінаціях 1620—1630 pp. — Івана Крип'якевича; 7. Один момент під Зборовом 1649 p.; критичний нарис Стефана Томашівського; 8. „Під протекцію курфїрста“; до історії політики П. Дорошенка — Івана Кревецького; 10. „Хрістос пасхон“; львівські віршовані діяльогі з 1630 p. — Василя Щурата; 10. З старшої письменности Угорської Руси — Гїядора Стрипського; 11. Eropeja bazylińska; nieznanu okaz literatury rusko-polskiej — Aleksandra Brücknera; 12. Два епізоди з історії боротьби Гедеона Балабана з львівським брацтвом — Федора Срібного; 13. Kotljarewskyj's Travestierte Aneide — von Alfred Jensen; 14. Українські думи — Миколи Сумцова; 15. Запропащена збірка угорських казок — Володимира Гнатюка; 16. Z sennyh widziadeł ludzkości — Jana Baudouina de Courtenay; 17. Український протипапський памфлет XVI в. „Исторія о єдномъ папѣ римскомъ“ — Михайла Возняка; 18. З переписки письменників 1860-их років в Галичині — Титка Реваковича; 19. Кандидатура Федьковича на посла — Ярослава Гординського; 20. Основи відродження білоруського письменства — Іларіона Свенціцького; Lidové povídky o zkrocení zlé ženy — Jiřího Polívky; 22. Ярмарки на дівчата; причинок до української етнології — Зенона Кузелі; 23. Проба упорядкування українських говорів — Івана Зілинського; 24. Вокатив в українській мові — Євгена Тимченка; 25. Дещо й з моїх австро-руських споминів — Хв. Вовка; 26. На святі Котляревського (згадка самовидця) — С. Єфремова; 27. Невикористаний скарб (спомини) — Б. Ярошевського; 28. Пригода з шибеницею (спомини) — В. Охримовича; 29. Порфирій Мартинович (сильветка) — І. Труша; 30. Іван Франко в малярським перекладі — Ю. Жатковича.

III. Бібліографія писань Івана Франка — зібр. В. Дорошенко.

Портрет Івана Франка — мал. І. Труша; рисунки: А. Скорописа й П. Холодного; ініціали й орнамент з біблії Скорини XVI в. і Стратинського євангелія XVII в.

УВАГА: Статі 1—24 наукової частини вийшли також як ювил. „Записки Наукового Товариства Шевченка“ (т. 117—8).

Відбитка

ПРИВІТ ІВАНОВИ ФРАНКОВИ

В СОРОКЛІТЄ

ЙОГО ПИСЬМЕНСЬКОЇ ПРАЦІ

1874—1914

ЛІТЕРАТУРНО-НАУКОВИЙ ЗБІРНИК

Лит. см. та ред. 1914

ЛЬВІВ 1914

НАКЛАДОМ ЮВІЛЕЙНОГО КОМІТЕТУ

З ДРУКАРНІ НАУКОВОГО ТОВАРИСТВА ІМЕНІ ШЕВЧЕНКА